

ИСТОРИЯ

А. А. Соловьев

Доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», г. Иваново, Россия



Греческое православное духовенство Палестины на страницах русских мемуаров второй половины XIX – начала XX в.

В статье в качестве источников использованы воспоминания русских паломников, а также туристов и путешественников, побывавших в Палестине в рассматриваемый период и посетивших главные христианские святыни и, расположенные здесь. Авторы их особо отмечали демократизм и гостеприимство греческих иерархов, которые они охотно демонстрировали при общении с россиянами. С точки зрения мемуаристов, главной целью греческого духовенства было получение от россиян максимальных пожертвований, в том числе не только добровольных. В статье рассматриваются наиболее распространенные практики вымогательства денег греками в контексте эксплуатации религиозных чувств верующих.

Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием Ивановского государственного университета в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» FZZM-2025-0001.

Ключевые слова: мемуары, русское православное паломничество, туризм, Палестина, Иерусалимская православная церковь, греческое духовенство, русское присутствие в Святой Земле.

Современные проблемы в отношениях Русской Православной Церкви с другими православными церквями делают все более актуальным изучение истории этих непростых отношений в новое время, в частности, в XIX – начале XX в. Хотя РПЦ, церкви Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского и Константинопольского патриархатов считались и называли друг друга «сестрами», но порой отношения между ними мало напоминали родственные. Несмотря на это, Российская Империя, будучи в рассматриваемый период одним из наиболее сильных и авторитетных государств в мире, позиционировала себя как покровительница православия на Ближнем Востоке. Эта позиция была в целом твердой и неизменной, хотя влекла за собой для России серьезные трудности на международном поприще. До-

статочно напомнить в этой связи о том, что именно покровительство православию в библейском регионе повлекло за собой столкновение России с дряхлевшей Османской империей, а затем с враждебной коалицией западных держав. В этой войне, которую на западе называют Восточной, а у нас Крымской, наша страна потерпела чувствительное поражение.

Активная дипломатическая и церковная политика России в Восточном Средиземноморье была обусловлена не только поддержкой православия в этом регионе, но и тем, что сюда направлялся значительный поток русских паломников, которые ехали для того, чтобы поклониться здесь святыням вселенского христианства. Число богомольцев, ехавших сюда, постепенно возрастало: если в начале XIX столетия они насчитывались

десятками, то на рубеже позапрошлого и прошлого веков – уже тысячами. В основном наши поклонники направлялись на территорию, которая в духовном отношении принадлежала Иерусалимскому патриархату и на которой, помимо Иерусалима, находились Вифлеем, Назарет, Тивериадское озеро, река Иордан и другие священные места, связанные с земной жизнью Иисуса Христа и Матери Божией. Наряду с паломниками в Восточное Средиземноморье ехало немало по тому времени русских туристов, туризм как способ рекреации и самовыражения приобретал все больше приверженцев в России. Также в этот регион ехали и отечественные ученые – путешественники-географы, этнографы, антропологи, медики.

Отношение восточно-христианских иерархов к русскому проникновению в Палестину и к открывшейся в Иерусалиме Русской Духовной Миссии (РДМ) получили отражение в отечественной научно-исследовательской литературе. В книге Н. Н. Лисового, посвященной строительству и функционированию российских подворий в Иерусалиме идет речь о том, как руководители Святогробского братства, фактически руководившего Иерусалимским патриархатом, всячески тормозили строительство и освящение наших подворий в Святом Граде, опасаясь лишиться части доходов от русских паломников и туристов [10, с. 87, 88, 95].

Статья омского исследователя М. С. Шаповалова посвящена взаимоотношениям греческой иерархии в Палестине с представителями западных исповеданий в условиях массовой политической и духовной экспансии католиков и протестантов на Ближнем Востоке на рубеже XIX - XX в. Для нас эта публикация оказалась полезной прежде всего тем, что она базируется на источниках личного происхождения – дневниках и мемуарах российских паломников, посетивших в этот период Палестину [16].

Частному историческому сюжету посвящена статья А. Г. Грушевого, в которой рассматривается попытка известного церковного деятеля архимандрита Порфирия Успенского (впоследствии епископа) – руководителя РДМ наладить по заданию российских властей плодотворное сотрудничество с греческими иерархами в Палестине. Автор этой статьи использовал в своем ис-

следовании многотомные записки архимандрита Порфирия «Книга бытия моего» [5]. Характерно, что тот же сюжет об «уврачевании» иерусалимских братьев по вере прослеживается и в вышедшей более чем за столетие до этого книге А. А. Дмитриевского, посвященной биографии Порфирия Успенского, она была переиздана репринтным способом сравнительно недавно [6].

Непосредственно теме настоящей статьи посвящена публикация К. Е. Балдина, в которой рассматриваются впечатления россиян, вступавших в контакт с греческим духовенством в Палестине. Основными источниками этой статьи являлись мемуары представителей русского православного духовенства как белого, так и черного. Это обстоятельство наложило свой отпечаток на содержание их паломнических записок, в которых отношения с единоверными греками изображены если не вовсе безоблачными, то, по крайней мере, с минимальным количеством проблем [3].

Мы же в настоящей статье предпримем попытку посмотреть на эти отношения несколько по-иному, т. е. в основном глазами светских мемуаристов, среди которых были как «классические» паломники, так и туристы, а также путешественники, отправлявшиеся на Ближний Восток с научно-исследовательскими целями.

Очень многие русские, не только простые, но и образованные, отправляясь в Палестину, первоначально не очень четко представляли, в чем состоят отличия сестринских восточных православных церквей от Русской православной церкви. В области мифа и этоса различий практически не было, но в обрядности они были довольно значительными. Они сразу бросались в глаза не только приехавшим из далекой северной страны представителям духовенства, хорошо разбиравшимся во всех тонкостях устройства храма и литургической практики.

В православных храмах Палестины не только наших богомольцев, но и туристов, путешественников прежде всего поражало отсутствие такого привычного элемента внутреннего устройства как иконостас. В некоторых случаях эта привычная перегородка с рядами икон заменялась завесой из ткани. Священник В. Крючков в одном из главных храмов Святой Земли – Рождества

Христов в Вифлееме между основным объемом его и алтарем не обнаружил даже такой завесы, какую он увидел, например, в иерусалимском храме Гроба Господня [9, с. 151].

Не только духовенство, но и паломники из среды мирян сразу обращали внимание отдельные, порой многочисленные отличия в богослужении. Н. В. Адлерберг с явной печалью констатировал, что он не услышал здесь настоящего церковного звона, как в России, монахи только сильно колотили палкой в доску; «звук этот, — добавлял мемуарист, — имеет в себе что-то мрачное и неприятное, поражает слух и чувство» [1, с. 148]. Впрочем, со временем запрет на колокольный звон на территории Османской империи в духе веротерпимости был снят.

Были особенности и в повседневной литургической практике, обусловленные «интернациональным» составом богомольцев в палестинских храмах. Е. Л. Марков в Вифлееме прослушал обедню, которая совершалась в основном на греческом языке, но отдельные ектеньи и молитвы звучали на церковнославянском и арабском: «для утешения русских и арабских богомольцев», — пояснял автор [11, с. 202].

Очень многие паломники обратили внимание на церковное пение в греческих храмах Святой Земли, сравнивая его с пением во время русского богослужения. Безжалостную и в то же время откровенную характеристику этого вокала дал Е. Л. Марков, который услышал его в том же Вифлееме: «Певчие, со своим регентом-диаконом... пели безжалостно режущим ухо, унылым напевом, не имеющим ничего общего с торжественными и стройными звуками русской церковной песни» [11, с. 201].

Аналогичное негативное впечатление оставило греческое пение у А. В. Елисеева, в погребальном гроте Божией Матери в Гефсимании около Иерусалима; армянское пение, впрочем, показалось ему не лучше греческого: «При моем посещении Гефсиманского вертепа здесь шла одновременно греческая и армянская служба, и резкие, надрывающие душу звуки неслись из глубины подземелья, нарушая его благоговейную тишину. Древние ... напевы греческих и армянских монахов способны расстроить самые крепкие нервы и не служат к благолепию божественной службы» [7, с. 315].

Вернемся к воспоминаниям Е. Л. Маркова, который сравнивает русское и греческое церковное пение во время того же богослужения в яслях Божественного Младенца в Вифлееме, о котором шла речь в предыдущей выдержке из его мемуаров. При этом следует обратить внимание на реакцию не только самого автора, но и православных арабов на непривычное для них русское пение: «...вдруг я радостно вздрогнул, словно от прикосновения чего-то давно знакомого и родного, и сердце мое всколыхнулось куда-то высоко вверх, будто на крыльях могучей птицы. Уже не гнусливый греческий хор, а вся церковь, вся толпа богомольцев, мужики и бабы, странники и монашки, разом запели по-русски: «Рождество Твое Христе Спасе мой». Неожиданные звуки всенародной молитвы, дружные, громкие, величественные, раздавались как-то особенно мощно и стройно под низкими сводами подземного храма и производили на мое русское сердце ни с чем не сравненное, вдохновляющее впечатление... Они пели с младенческим увлечением, с младенческой искренностью. Все было забыто в порыве молитвенного восторга, мгновенно охватившего толпу, и никаких задних дум, сомнений, забот не видно было теперь ни на одном лице... Только то, кому посчастливилось, как нам, посетить эти священные ясли, поймет, какое поражающее впечатление производит на человека звуки рождественского псалма, раздающиеся на самом месте Рождества Христова.

Арабы благоговейно сняли свои чалмы, и стояли теперь в...одних белых войлочных ермолках на бритых головах;... они слушали недвижно, склонив головы, видимо тоже глубоко растроганные» [11, с. 204–206].

Как считают мемуаристы, особого благолепия и торжественности, характерных для русской церковной службы, у греков не было. По мнению священника о. Михаила Вуколова, приехавшего с орловщины, у греков все было «мрачно и просто». Вместе с тем, большая простота греческой литургии некоторым из наших паломников нравилась. А. Вендеревский был удивлен, что иерархи Палестинской церкви, и сам ее предстоятель служили в храме Гроба Господня без митр «в знаменование бывшего здесь унижения Христа», т. е. его крестного подвига [3, с. 32–33].

Очень удивляла россиян пищевая культура греческого духовенства, которое в своем абсолютном большинстве было не белым, а черным. Здесь дозволялось то, что было категорически запрещено монашествующим в России. Е. Л. Марков с удивлением увидел на монастырском столе блюда, совершенно немыслимые в российских обителях: «... митрополит благословил трапезу, и мы уселись за простой, но сытный...и здоровый ужин. Тут были яйца всмятку, овечий сыр, говядина с капустою,... жареные цыплята...Признаюсь, я очень удивился, видя, как спокойно вифлеемский владыко и его смиренный игумен убирают говядину и цыплячьи косточки.

—... как же вы едите мясное, преосвященный? Разве у вас монахам не запрещается? — полюбопытствовал я.

— У нас нет этого обычая, — спокойно объяснил мне митрополит. — У нас все едят мясное, пост состоит в умеренности, а не в выборе пищи» [11, с.199–200].

Д. Д. Смышляева также удивили блюда, допускавшиеся в греческих монастырях в пост. В одном из них ему подали блюдо вареных улиток и яйца. Первые пермскому купцу совсем не пришлись по вкусу, а относительно вторых он сказал гостеприимным хозяевам, что в России употребление яиц в пост запрещено не только монахам, но и мирянами. Впрочем, в монастыре для него нашлась еще отварная цветная капуста, картофель и рыба [13, с. 157].

Не меньшее удивление у наших богомольцев, в частности у Е. Э. Картавцова, вызывал пасхальный стол у греков. На разговении у патриарха Иерусалимского они увидели богатый, вкусно приготовленный и разнообразный стол, но блюда, стоявшие на нем, были совершенно необычными для наших земляков: «Входим в столовую, — повествовал мемуарист. — Что за разочарование для нас, привыкших разговеться красным яичком, сырной пасочкой, куличиком — ничего этого на столе нет». Разговение началось куриным бульоном, потом последовали цыплята под белым соусом с картофелем, жареная баранина, очень привычная для Ближнего Востока, но не для России, а также ветчина и фаршированная индейка. Присутствовал не совсем привычный для этого региона жареный поросенок. Яйца были не крутыми и не

красными, а сваренными «в мешочек», холодными, а по окраске скорлупы светло-желтые и лиловые. Эта пасхальная трапеза настолько запомнилась мемуаристу, что он описал ее в деталях [8, с. 240].

Остановимся на отзывах паломников о некоторых церемониях официального приема их на Святой Земле. Начнем с впечатлений простых паломников, как правило из крестьянской среды. О них подробно повествует А. В. Елисеев, который по заданию Православного Палестинского общества влился в ряды простых русских паломников для детального исследования условий их повседневной жизни в Палестине. Поэтому его свидетельства, максимально соответствующие действительности, представляют особую ценность.

Одним из первых важных мероприятий, которые устраивались греками для паломников, было их участие в храме свв. Константина и Елены в особом ритуале, который совершался над ними скорее всего один раз в жизни и который навеки оставался в их памяти. Это омовение ног в память евангельского события — в начале тайной вечери Иисус Христос собственноручно совершил этот обряд для своих учеников-апостолов. Спустя почти два тысячелетия монахи Святигробского братства в одной комнате умывали ноги и руки нашим паломникам-мужчинам, а в другой комнате — женщинам, причем только руки. Одновременно провожатый-грек объяснял богомольцам смысл обряда и его происхождение. После завершения ритуала архимандрит окроплял паломников душистой розовой водой [12, с. 127–128].

После омовения ног большую партию паломников, приведенных в Иерусалимскую патриархию, тожественно вводили в просторную комнату, где сидели епископы, митрополиты во главе с патриархом. У себя на родине простой крестьянин-паломник видел епархиального владыку-епископа один-два раза в жизни. Поэтому впечатление от такой встречи было очень большим: «Трепетно бьется сердце паломника, — отмечал А.В. Елисеев, — когда он видит такую массу высшего духовенства,... тут целый собор архиереев, митрополитов и сам патриарх, с одним представлением о котором связывается у нашего поклонника чувство безмерного ува-

жения, переходящего в род обожания перед высоким положением и высшей благодатью этого архиерея из архиереев; все эти высшие степени иерархии обращаются с ним – простым богомольцем – серым мужичком так просто и естественно, как не отнесся бы к нему на Руси любой архимандрит» [12, с. 128].

Разумеется, на этой встрече паломники вручали сонму архиереев свои подарки, которые были собраны и куплены порой целым селом – например, Евангелие или другую священную книгу в серебряном окладе, большие куски парчи порой в 20–30 аршин длины и т. п. Самые бедные паломники тоже готовили свои очень скромные подарки. Как отмечал видевший такие церемонии А. В. Елисеев, «...большинство даров, по их сравнительной малоценности принимается «...только потому, что «всякое даяние – благо есть». После этого патриарх отдаривался благословением, преподанном каждому паломнику, а также раздавал им очень недорогие священные сувениры – четки, крестики, небольшие перламутровые образки [12, с.129–130].

В тот же день греки вели паломников в свой Георгиевский монастырь, где их как почетных гостей встречали колокольным звоном и церковным пением. Потом в трапезной их ждал обед из трех-четырёх блюд. В начале его русских богомольцев обносили ракичкой, т. е. местной водкой, а во время трапезы еще поили иерусалимским вином. Нигде на родине их не встречали колокольным звоном, никогда им до этого духовные лица не мыли ног, нигде в родных краях их не угощали таким сытным и разнообразным обедом, нигде они не слышали ласковых слов от таких высоких, если не сказать высочайших церковных чинов. Свои наблюдения по поводу такого приема, А. В. Елисеев подытожил так: «Ничем так легко не подкупить нашего простого паломника, как лаской и хлебосольством, которое он ставит выше всего; в чужой стране, среди мусульман и чужеземцев, эта ласка и угощение особенно дороги для него» [12, с. 136]. Такими приемами греческие монахи безраздельно завоевывали сердца и души паломникам в первые же один-два дня.

Привилегированных и широко образованных паломников, туристов или путеше-

ственников трудно было удивить богато накрытым столом или заурядными священными сувенирами. Поэтому для того, чтобы расположить к себе тех русских, которые потенциально могли быть щедрыми жертвователями, применялись другие приемы. Об этом можно судить по путевым запискам Е. Л. Маркова.

Высшие иерархи Иерусалимской церкви, с которыми он беседовал тет-а-тет, всячески старались казаться откровенными перед русским гостем – известным писателем, публицистом. Патриарх Никодим признавал, что деятельность греческого духовенства не во всем является правильной и не всегда успешна. Он не скрывал того, что греки мало обращают внимания на арабскую православную паству, которая в результате отпадает в католичество иногда целыми селами. Для того, чтобы почеркнуть особые отношения Иерусалимского патриархата с РПЦ Никодим обронил фразу, которая в его устах звучала как «аксиома»: «Мы и Россия – это все одно». Однако он был очень недоволен деятельностью Русской Духовной Миссии и даже самым фактом ее существования. «Я только вот чего не понимаю, – возмущался он, – какая надобность России иметь в Палестине какое-то особое от нас ведомство? Мы все та же русская миссия» [11, с. 28–29]. Недовольство греков РДМ объяснялось тем, что она затрудняла им получение денежных пожертвований от русских паломников.

Также греческие иерархи использовали характерный для них внешний демократизм для того, чтобы произвести впечатление на русских паломников. Когда Е. Л. Марков посетил митрополита Вифлеемского Анфима, он был очень удивлен его манерой общения как с русскими паломниками, так и с местными православными арбами, которые вместе сидели в его приемной: «Митрополит беседовал со всеми просто и ласково; одни уходили, другие приходили, совершенно свободно, как к себе в дом; кто кланялся владыке в ноги, кто обнимался с ним и целовался братским поцелуем. Хотя все это только внешность, за которой не всегда скрывается подходящая сущность дела, но, тем не менее, на нас, непривычных к такой доступности для народа и к такой простоте обращения наших русских иерархов, это свободное, ничем не стесненное общение паствы со своим

верховным пастырем, как детей с отцом, произвело самое отрадное впечатление...» [11, с. 186].

Во время беседы Е. Л. Маркова с митрополитом, тот подчеркивал, что греки очень благодарны России и русским за поддержку, прежде всего – материальную. Автора мемуаров поразило то, насколько широким был круг знакомства этого иерарха в русской образованной среде. Анфим показал богатый золотой оклад, пожертвованный на икону известным русским государственным деятелем и паломником А. С. Норовым. Анфим лично и совершенно бесплатно провел для Маркова и его жены экскурсию по городу, где появился на свет Иисус Христос, в ходе ее к ним присоединилась целая толпа простых русских богомольцев, на которых произвело особое впечатление то, что гидом выступал один из высших иерархов Иерусалимской церкви. Эта «вип-экскурсия» для всех ее участников тоже была безвозмездной [11, с. 187–188, 199].

Явственные следы многообразных связей Иерусалимской патриархии с Россией можно было увидеть и услышать в палестинских храмах, в том числе в тех, которые являлись важнейшими для всех христиан. В храме Воскресения, обширном и богато убранном, русские паломники обращали внимание на пожертвованные из России иконы в золотых окладах. Они были частью роскошного иконостаса, которым это святилище отличалось от большинства других греческих храмов, где, как уже говорилось выше, иконостасы отсутствовали [11, с. 63–64].

Е. Э. Картавцову довелось присутствовать на патриаршей службе в Иерусалиме, она произвела большое впечатление на нашего паломника (крупного чиновника, а затем предпринимателя), которому приходилось не раз слышать торжественные литургии у себя дома, в Петербурге. Мемуаристу очень понравилось умение патриарха придать в присутствии многочисленных наших паломников службе особую торжественность: «С каким мастерством произносит он молитву за благочестивейшего и самодержавнейшего великого Императора Всероссийского... А что за жест, что за фигура в этом чудном облачении! Такого величественного, художественно-величественного

богослужения мы еще никогда не видели» [8, с. 192].

Вместе с тем, символы, который носил на себе патриарх, порой выглядели очень противоречиво. Н. В. Адлерберг на приеме у предстоятеля Иерусалимской церкви увидел, что у него на груди рядом с панагией был прикреплен турецкий орден «нишам» (один из высших турецких орденов Нишам Ифтикшар, он был украшен брильянтами, размеры и количество драгоценных камней зависели от монаршей милости и личного отношения к награждаемому). «Странно видеть на груди первосвященника греческого православного духовенства столь противоположные своими значениями знаки!» – восклицал по этому поводу наш вельможный богомолец [1, с. 148].

Русских паломников, если судить по мемуарам, как простых, так и привилегированных богомольцев, очень подкупало то обстоятельство, что некоторые высшие иерархи Иерусалимской церкви в той или иной степени бегло и правильно говорили по-русски. Е. Э. Картавцов, рассказывая о встрече с патриархом Никодимом, отмечал, что он говорил по-русски с небольшим акцентом, т. е. почти свободно. Что, впрочем, было неудивительно, т.к. он двадцать два года жил в России, управляя имениями в Бессарабии, доходы с которой получал Иерусалимский патриархат, а затем служил настоятелем храма на греческом подворье в Москве [8, с. 188].

Во время своего первого паломнического визита в Святой Град архимандрит Антонин Капустин, общавшийся в Иерусалиме с патриаршим наместником, отмечал, что «почтенней иерарх старался...говорить по-русски». На вопрос о том, как он научился языку, не побывав в России, он отвечал, хитро улыбаясь: «Воровски, крал то у одного, то у другого поклонника по слову, и вот несколько научился» [2, с. 42]. Естественно, что хорошо выучиться языку таким своеобразным способом было довольно затруднительно.

Митрополит Вифлеемский Анфим был хорошо знаком с А. С. Норовым и А. Н. Муравьевым, которые в России были известны не только как паломники но и как государственные и общественные деятели, ученые. Вполне возможно, что Анфим прочел в под-

линнике паломнические мемуары того и другого [11, с. 189]. Упомянувший об этом Е. Л. Марков также не без гордости отмечал, что патриарх Никодим читал самую известную книгу Маркова «Очерки Крыма» и положительно отозвался о ней [11, с. 31].

Такие упоминания о владении греками русским языком во многих путевых записках русских богомольцев могут создать иллюзию о том, что наш «великий и могучий» получил широкое распространение среди греков. На самом деле это было не так, т. к. в отечественных мемуарах разные паломники упоминают об одних и тех же людях – Никодиме, Анфиме и еще нескольких иерархах, с которыми им доводилось общаться. Тот же Марков приводит диаметрально противоположное свидетельство, рассказывая о своем пребывании в одном из греческих монастырей Палестины: «Игумен угостил нас арабским кофе..., но, к большому нашему сожалению, ни он, ни один из монахов этой обители, основанной на русские деньги, не знают ни слова по-русски, а потому и не могли передать нам ничего интересного о своем монастыре. Нужно поистине удивляться практической несообразности и беспечности греческого духовенства Палестины. Сами они живут и обители их существуют главным образом на средства русских богомольцев, а между тем всякий встречный араб яффских и иерусалимских улиц в сто раз знакомее с русским поклонником, чем эти ... святые отцы ... Даже некоторые высшие сановники иерусалимской церкви, архиереи, уже занимающие свои престолы, архимандриты посещаемых монастырей, – зачастую не умеют ни слова по-русски, и не в состоянии войти ни в какое живое общение с толпами русских поклонников...» [11, с. 109].

Для того, чтобы более рельефно и справедливо с точки зрения истины представить отношения греческого духовенства Ближнего Востока к русским паломникам в исследуемый нами период, целесообразно обратиться к предыстории и сделать небольшой обзор этих отношений в первой половине XIX в. Об этом имеются мемуарные свидетельства, правда не столь многочисленные, как относительно более позднего времени. Эти источники личного происхождения обобщены А. В. Елисеевым в его путевых записках, поэтому мы обратимся к тек-

сту этого русского путешественника. При этом напомним, что в первой половине позапрошлого столетия в библейском регионе не было ни Русской Духовной Миссии, ни наших храмов, ни подворий, где бы мог остановиться отечественный паломник. Таким образом, он оказывался полностью зависимым от греков как в духовном, так и в бытовом отношении.

Изначально как некая аксиома предполагается, что принимающая сторона, т. е. греческое духовенство Иерусалимского патриархата должно оказывать помощь нашим паломникам, прибывшим для поклонения святыням вселенского христианства: заботиться о том, чтобы они беспрепятственно посетили эти святыни, чтобы местными православными клириками были даны профессиональные комментарии о важности этих священных хронотопов и, наконец, чтобы богомольцы имели какой-либо удовлетворительный приют для проживания во время паломничества. В свою очередь, еще одной аксиомой является обязанность паломников делать посильные пожертвования в пользу святынь и принимающей их стороны – греческого духовенства. Оценим с точки зрения невзыскательных паломников из России ту помощь, которую оказывали им греки.

Последние предоставляли нашим богомольцам жилье в своих монастырях, которые резко отличались от монастырей русских. Насельниками последних являлись монахи во главе с настоятелями. В Палестине в типичной обители постоянно проживал только игумен и один-два его помощника из послушников. Все остальные обитатели греческого монастыря были временными, это были паломники из России, а также из Болгарии, Сербии и других православных стран. Таким образом, типичный палестинский монастырь выполнял роль не дома молитвы, а заурядного постоянного двора. В нем игумен являлся почти полновластным хозяином, а его подручные выполняли роль коридорных служащих как в обычной гостинице [12, с. 26–27].

Как свидетельствовал А. В. Елисеев, один из паломников по имени Памфил от имени своих спутников жаловался на то, что игумен изначально взял с них по 14 рублей, обещав за эти деньги каждому предоставить отдельную келью на время их пребывания в

Иерусалиме, а на самом деле поместил пятнадцать человек в одну крошечную «келейку». Затем он дополнительно взял на Пасху еще по 3 рубля с каждого, жалуясь на то, что ему приходится давать большие взятки местным турецким властям. Обычно в келье в распоряжении жильцов был только каменный пол или голые нары, на которых далеко не всегда были постланы циновки [12, с. 27–28].

Помещения в монастырях были приспособлены для того, чтобы защитить их обитателей от иссушающего летнего зноя, но большая часть паломников прибывала в Святой Град на период от Рождества Христова до Пасхи, когда в Палестине холодно, дождливо и временами даже выпадает снег. Вместе с тем в монастырях не было ни печей, ни двойных рам, ни хороших дверей, т. е. ничто не защищало от холода и сырости наших паломников, которые привыкли у себя на родине зимовать в достаточно сухих и теплых избах. Низкие, сырые и неопрятные кельи, скученность в них паломнического населения естественно порождали самые различные болезни, начиная с обычных простудных и заканчивая тяжелыми инфекционными. Участь заболевших выглядела очень печальной. Приведем свидетельство А. В. Елисеева со слов уже упомянутого выше богомольца по имени Памфил: «Бывало, говорил Памфил, заболит русский, бросят его в углу, как собаку, и если не случится какого-нибудь сердобольного человека или своего брата русского, то забудут о нем, как о мертвом; даже воды не принесут в его темный угол, а про трапезу уж и говорить не приходится... и так кормили убого, да скудно, а больным и того не давали» [12, с. 27–28, 30].

Не все паломники были в состоянии оплатить свое пребывание в этих условиях, которые трудно назвать человеческими. «Этим беднякам солоно приходилось гостеприимство греков», – сетовал А. В. Елисеев, т. к. хозяева монастырей заставляли работать на их обители. «Наш богомолец, – продолжал он, – всегда готов работать до изнеможения «на Бога», как он называл труд на монастырь, и греки, хорошо знавшие эту готовность, злоупотребляли ею иногда самым широким образом, заставляя работать не на Бога, а фактически на них». Это были тяжелые строительные работы для мужчин, когда

приходилось таскать тяжелые камни. «Если не было построек, то наши поклонники часто исполняли в монастырях самую грязную внутреннюю работу, а русские богомолки приводили в чистоту и порядок внутренность монастырских строений... Наши бабы, привыкшие к вечной работе, чистили, скоблили и обмывали весь монастырь,... для них всегда имелся в обителях запас бабьей работы». Бывало и так, что греки выгоняли из монастыря на все четыре стороны обессиленного или не понравившегося им паломника [12, с. 29].

Повествование об этих вопиющих безобразиях А. В. Елисеев заключает поистине евангельской фразой всепрощения, услышанной им от российских паломников после рассказов о старом житье-бытье: «Кто старое помянет, тому глаз вон...» [12, с. 30].

В 1860-х гг. были возведены на окраине Иерусалима Русские Постройки с просторными подворьями для размещения богомольцев, а когда они стали тесными в паломнический сезон, появились Сергиевское подворье, потом Александровское, Вениаминовское и др. Постоялые дворы для прибывавших в Святую Землю поклонников построили в Яффе, Иерихоне, около Мамврийского дуба и в других священных местах Палестины. Это значительно снизило зависимость паломников от греческого духовенства, но во владении последнего оставались те христианские святыни, ради которых собственно и прибывали русские в библейский регион. Именно эксплуатация святынь стала главным в получении греками доходов от православных паломников. В мемуарах того времени употреблялся для этого термин не «эксплуатация», а «профанация», т. к. священные места использовались для профанной цели.

Образованные русские паломники хорошо понимали это обстоятельство и не скрывали его в своих мемуарах, дневниках или в изданиях, которые можно охарактеризовать как путеводители. А. А. Суворин, автор роскошно изданной книги «Палестина», обращает пристальное внимание на деятельность греков, «которые на каждую святыню Палестины смотрят, как на свое материальное имущество, и взымают мзду с каждого поклонника за доступ к ней», воспринимая

богомольца как потенциальную дойную корову [15, Предисловие].

В первые несколько дней пребывания наших богомольцев на Святой Земле их почти не надо было призывать к максимально щедрым пожертвованиям. А. В. Елисеев, не раз наблюдавший наших поклонников в храме Гроба Господня, отмечал, что в этой главной христианской святыне русские жертвовали особенно много: «большинство не скупится, насколько то возможно. Не столько серебро, сколько бумажки – даже в три и пять рублей сыпятся на блюдо, и если взять среднюю арифметическую всего количества пожертвований, то рубль можно признать за среднюю пожертвования паломника в этом случае» [12, с. 132]. При этом нужно учесть, что абсолютное большинство прибывших в Святой град россиян принадлежало к крестьянской среде среднего и даже ниже среднего достатка, и рубль как единовременное пожертвование был для них значительной суммой.

Но в большинстве случаев греческое духовенство уже не ждало пожертвований, а настойчиво побуждало к ним и даже требовало как от простых богомольцев, так и от совсем непростых. Характерно в этом отношении наблюдение, сделанное русским дипломатом К. А. Соколовым в Назарете, где он молился в одном из храмов: «...несколько чернорясных рук протянулось ко мне, требуя бакшиша; только успевал я расплачиваться с одними, другие уже собирались около меня за поживой; сам чтец, оставя свое место и продолжая начатое чтение, подошел ко мне, показывая знаками, что и его забывать не следует; я раздал все мелкие деньги и бежал из храма». Характерно наблюдение паломника о резкой перемене, произошедшей в его настроении. Он выходил из церкви «с какой-то тихой радостью, с чувством теплой веры, в каком-то благодатном упоении»; а затем эти чувства сменились полным разочарованием, «как всюду, где поселяются монахи греческие». Закончилось это, как уже говорилось выше, быстрым бегством из храма [14, с. 109–110].

С аналогичным отношением греческого духовенства к святыне и к паломникам столкнулся и А. В. Елисеев в Иерусалиме. Он испытал здесь такое же глубокое разочарование: «Вступая в стогны древнего Иеруса-

лима с сердцем полным благоговения и трепета, со смущением, происхождение которого понятно всякому, я чувствовал, что уже первое впечатление значительно охладило согретое верой чувство, и что с каждым шагом вперед это последнее меркнет и слабеет под напором профанирующей святыню обстановки... Я почувствовал, что первое мое посещение Гроба Господня было далеко не таким, каким оно представлялось мне уже давно, что это было не поклонение величайшей святыне христианского мира скромного паломника, но индифферентизм интеллигентного туриста, привыкшего бесстрастно смотреть и изучать» [7, с. 297]. В этом рассуждении особенно важно утверждение автора о том, что именно греки виноваты в том, что верующий богомолец превращался в не более чем любопытствующего и индифферентного туриста.

В ряде случаев греческое духовенство фактически продавало за деньги отпущение грехов. Такая практика существовала в католической церкви, и за торговлю индульгенциями ее неоднократно критиковали православные. Дело было в том, что пожертвовав у Гроба Господня значительные для них деньги, паломники получали от патриарха Иерусалимского или одного из высших иерархов листок с напечатанной по-церковнославянски разрешительной молитвой (ее священник читал в конце исповеди). Наши паломники по сложившейся у них традиции считали этот документ полным отпущением грехов чуть ли не до конца жизни. Они не расставались с этим документом и завещали своим близким после смерти положить им гроб эту бумагу. Греческое духовенство знало об этом, но не разубеждало наших паломников в их заблуждении. Делалось это для того, чтобы наши богомольцы больше жертвовали для получения такого, по выражению Д. Д. Смышляева, «паспорта на тот свет» [13, с. 143].

Некоторые представители греческого духовенства выработали свои специфические методики получения денег у русских паломников без особого упрашивания или угроз. В Вифлееме около греческого монастыря, где жил митрополит Спиридоний, росло обычное оливковое дерево. Как сообщал А. А. Суворин, русским паломникам, попавшим в монастырь, Спиридоний показывал на него и

говорил: «Вот хочу купить эту «масличку» у мусульманина, чтобы собирать оливки и давить из них масло для лампы у Гроба Господня, да денег все не могу собрать... Помогите на доброе дело!» Наши богомольцы, разумеется, жертвовали деньги, т. к. кому же не хотелось, чтобы лампадка с его маслом горела возле гроба Спасителя. Эту историю разные мемуаристы-паломники рассказывали с некоторыми вариациями, но факт тот, что эта проделка совершалась Спиридонием со всеми попавшими к нему паломниками по одному и тому же сценарию, некоторые наблюдали ее несколько раз и она получила ироническое название «вечной маслички» [15, с. 82].

Упоминавшийся выше вифлеемский митрополит Анфим таким же образом собирал средства на «достройку» колокольни в Вифлееме, звон с которой, по его словам, будет слышан даже в Иерусалиме. Между тем, в стены этой колокольни не было положено ни одного камня, а об употреблении собранных денег знал один лишь Анфим [15, с. 82].

Большинство служителей палестинских святынь все же не отличались фантазией в обирании русских богомольцев. Приведем сцену, который наблюдал тот же А. А. Суворин в главном храме мирового христианства: «В ризнице Гроба Господня поклонники записывали имена для поминовения их у Св. Гроба. Записывается бедная баба и дает двугривенный. Монах возмущается и швыряет двугривенный в лицо злополучной бабе. «Ты что же это», кричит возмущенный греческий монах, «тысячи верст прошла для того, чтобы двадцать копеек записать?!» Несчастливая баба, чувствуя свою преступность и проливая слезы раскаяния, вынимает грязный платочек, развязывает узелок, достает еще двугривенный и с земным поклоном отдает его вместе с двугривенным, брошенным ей в лицо монахом и поднятым ею с земли. «Пять человек записала на поминание, а сорок копеек даешь, бессовестная!» сердится монах. «Бессовестная» баба уходит тихонько в сторону, уступая другим место «записываться». А между тем эта «бессовестная» действительно тысячи верст прошла пешком по дороге именем Христовым, пока села на пароход. Пройдя пешком от Яффы до Иерусалима, она исходила весь Иерусалим и его окрестности, вознося свои молитвы Богу

и раздавая греческим монахам на поминания двугривенные, которые она так ревностно сберегала, лишая себя самого необходимого» [15, с. 81–82].

Обычно бедные паломники не имели кошельков, они прятали свои гроши в самое надежное, по их мнению, место – зашивали в подкладку. Греческие клирики знали об этом и чуть ли насильно требовали больше денег. Снова предоставим слово такому внимательному наблюдателю как журналист А. А. Суворин: «...Монах – вожак, обходящий с поклонниками храм, – недоволен даяниями поклонника. Он вынимает из кармана перочинный ножик, протягивает его поклоннику, говоря только: «На, подрежь подкладку!» [15, с. 82].

В качестве инструмента эксплуатации русских паломников использовались их походы по святым местам. В Палестине сложился некий тип экскурсовода-грека, который водил простодушных россиян даже там, где никаких событий священной истории не происходило. А. В. Елисеев свидетельствовал: «Везде то, где есть юркие проводники, везде кроются, Бог знает, какие святыни. Даже больно становится слушать, как глумится корыстолюбивый грек над религиозным чувством нашего паломника, выдавая ему самые незначительные места за великие святыни и заставляя его жертвовать последние гроши на свечи и масло угодникам, о которых хитрый провожатый, едва маракующий порусски, придумывает целые легенды, зная, что простодушный русский поклонник поверит всему» [12, с. 93–94].

Такие гиды нередко обладали не только богатой фантазией, но и хорошо подвешенным языком, придумывали некие детали, которые могли произвести впечатление на наших богомольцев. Е. Л. Марков нарисовал колоритную картину похода наших поклонников на место проведения Тайной Вечери: «Мы застали в верхней горнице Сионской самую подходящую публику. Толпа запыленных русских богомольцев, мужичков и баб, с немой восторгом, с благоговением, проступавшим сквозь всякую морщину их простодушных, загорелых лиц, – пристыла глазами, ушами и всем сердцем – к витиевтому рассказу проповедника-монаха. С уверенностью и точностью, которым позавидовал бы всякий богослов, он указывал своей

бесхитростной аудитории, на каком месте стоял трапезный стол «Тайной Вечери», где именно было сидение Спасителя и в какие двери удалился изменник Иуда; подлинные тексты Евангелия, которые грек-путеводитель знал наизусть и которыми он так и сыпал, довольно хорошо выговаривая их по-славянски, окончательно умилили русских странников, уже без того, очевидно, подавленных святостью окружавших их воспоминаний» [11, с. 128–129].

Но не всем экскурсоводам при большой фантазии хватало элементарных знаний о том, что они показывали. Это заметил Н. В. Адлерберг, который в своих путевых записках рассказывал, что монах-грек водивший его по Гефсиманском саду, где происходило моление Спасителя о чаше, знал мало и поэтому справляться о различных деталях у священнослужителей-католиков, которые были приставлены к этому памятного новозаветному месту [1, с. 157].

Арабское православное приходское духовенство, наблюдая за своими иерархами и рядовыми членами Святогробского братства из среды греков, также старались получить как можно больше денег с русских паломников. К. Е. Балдин в своей статье о впечатлениях русских паломников, прибывших в Палестину из северных русских губерний, приводит из источников личного происхождения наглядный пример: наших богомольцев в одном из селений приютил у себя дома араб-священник, накормил их ужином, а затем... предложил им записать в специальную церковную книгу своих живых и умерших родственников для упоминания за здоровье и за упокой, разумеется – за деньги. Таким образом это была плата за ночлег в едва завуалированном виде [4, с. 103].

Авторами проанализированных нами травелогов (путевых записок) являлись очень разные представители русского образованного общества. «Классическими» паломниками среди них следует признать только священника из Олонецкой губернии Крючкова и архимандрита Антонина (Капустина), который во время написания мемуарного текста был еще не начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, а паломником, приехавшим на пять дней в этот город. Также паломником можно назвать известного публициста Е. Л. Маркова. Дипломат К. А. Соколов

находился в Святой Земле по делам, а А. В. Елисеев был путешественником-исследователем, этнографом и антропологом. Богатый предприниматель Е. Э. Картавцов представляется нам скорее не паломником, а туристом, который приехал на Ближний Восток в основном за экзотикой.

Из разнообразия целей их поездок в Святую Землю проистекают их различные взгляды на греческое руководство Иерусалимской православной церкви. Большинство паломников было склонны скорее скрывать теневые стороны деятельности греческого духовенства. Туристы и путешественники, напротив, откровенно и нелестно высказывались о том, как греки наживались на эксплуатации религиозных чувств русских паломников, преимущественно простых крестьян.

В отечественных мемуарах некоторые их авторы с интересом и без всякого отторжения констатировали литургические различия в нашем и греческом богослужении, удивлялись доступности, «демократичности» греческих иерархов, которые общались с простыми русскими паломниками, сидя с ними за трапезой и угощая их различными яствами и питьями. Однако, как считают другие наши земляки, это гостеприимство и хлебосольство носили внешний характер. Они были всецело направлены на достижение совершенно определенной цели – склонить паломников к максимально щедрым пожертвованиям в пользу православных святынь. Причем в дальнейшем эти деньги в значительной степени шли не на благоустройство святынь, а в карманы духовенства, как рядовых клириков, так и иерархов. В некоторых случаях требования денег превращались в заурядное вымогательство. Эта профанация святынь вселенского христианства приводили к глубокому разочарованию многих паломников в служителях православия и, к великому сожалению, даже к угасанию веры наших богомольцев, т. к. разрыв ожиданий, с которыми они приехали в Палестину, и встреченной ими действительности оказывался очень значительным.

Библиографический список:

1. Адлерберг Н. В. Из Рима в Иерусалим. Сочинения графа Николая Адлерберга. М.: Индрик, 2008. 296 с.

2. *Антонин (Капустин), архимандрит*. Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме в 1857 году. М.: Индрик, 2007. 256 с.
3. *Балдин К. Е.* Русские православные паломники и греческая церковь в Палестине во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4 (15). С. 29–42.
4. *Балдин К. Е.* Северные паломники в Святой Земле: Из истории путешествий русского духовенства в Палестину в начале XX века // На пути к гражданскому обществу. 2016. № 3 (23). С. 94–105.
5. *Грушевой А. Г.* «Увращение» Иерусалимской церкви в в мыслях и действиях Порфирия Успенского // Петербургский исторический журнал. № 1 (25). 2020. С. 75–85.
6. *Дмитриевский А. А.* Епископ Порфирий Успенский как инициатор и организатор перовой Русской духовной Миссии в Иерусалиме и его заслуги на пользу православия и в деле изучения христианского востока. М.: Общество сохранения литературного наследия, 1906. 140 с.
7. *Елисеев А. В.* По белу свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям старого света. В 4-х т. Т. I. Пг., 1915. 362 с.
8. *Картавцов Е. Э.* По Египту и Палестине. СПб., 1892. 250 с.
9. *Крючков В.* Из воспоминаний о путешествии в Святую Землю // Олонецкие епархиальные ведомости. 1912. № 7. С. 150–152.
10. *Лисовой Н. Н.* Подворья Императорского Православного Палестинского Общества в Иерусалиме. М.: Индрик, 2012. 159 с.
11. *Марков Е. Л.* Путешествие по Святой Земле. Иерусалим и Палестина, Самария, Галилея и берега Малой Азии. СПб., 1891. 512 с.
12. *С русскими паломниками на Святой Земле весною 1884 года (Очерки, заметки и наблюдения).* Соч. А. В. Елисеева. СПб, 1885. 365 с.
13. *Смышляев Д. Д.* Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года. М.: Индрик, 2008. 288 с.
14. *Соколов К. А.* Путевые впечатления по Палестине и Сирии весной 1893 года. М.: Индрик, 2017. 126 с.
15. *Суворин А. А.* Палестина. СПб., 1898. 352 с.
16. *Шановалов М. С.* Иностранное присутствие в Палестине в дневниках и заметках русских путешественников конца XIX – начала XX в. // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 4. С. 951–965.

©Соловьев А. А., 2025